

Татьяна
Бочкова



Обратная
сторона луны

Книга первая

Издательские решения

Обратная сторона луны

Татьяна Бочкова

Обратная сторона луны

«Издательские решения»

2014

Бочкова Т.

Обратная сторона луны / Т. Бочкова — «Издательские решения»,
2014 — (Обратная сторона луны)

«Обратная сторона луны» – трилогия, охватывающая более двадцати лет жизни обычной девушки из небольшого города, попавшей в середине 80-х годов в снежный плен коварной стихии во время зимнего похода к вершине знаменитой Уральской горы. От гибели ее спасают два брата, живущие где-то в глубине горных массивов вместе с матерью и такими же отшельниками односельчанами. Они избегают общения с внешним миром, а саму девушку предостерегают от общения с сородичами и даже прячут в комнатке без окон. Но каким бы странным ни было это архаичное семейство, они искренне желают помочь и обещают доставить потерявшуюся туристку домой. И у них даже почти получилось, пока в дело не вмешались дикие звери, озлобленные соседи и сильные чувства.

© Бочкова Т., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

1 – Пилот	5
2– Утро нового дня	8
3– Добро пожаловать?	13
4– Праздничный переполох	17
5– Волколаки	21
6– Полкапли	25
7– Свобода выбора	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Бочкова

Обратная сторона луны

Книга первая

1 – Пилот

Буржуйка, устроенная по центру светло-серой армейской палатки, тихонько потрескивала, разбрасывая по углам, напоминающие бесовские пляски, ярко-алые блики. Поглощая глазами каждое новое па, Ольга то и дело ловила себя на мысли, что эта металлическая конструкция несовершенна и способна превратить обещанный доморощенными Кулибиными домашний очаг в пресловутый очаг возгорания. Под узкими сводами небезопасного на ее взгляд убежища, идея отправиться в рискованное путешествие на уральскую вершину ради проверки самой себя и родительских нервов, с каждой минутой этой первой ночи в снежном плену, казалась все более и более абсурдной. Она натянула одеяло повыше, пряча под синтепон развернутого спального мешка озябший нос. На ее легкое движение откликнулись все жители походного ложа, устроенного в глубине палатки – кто-то громче засопел, кто-то причмокнул, кто-то попытался занять положение поудобней. Из-за тесноты задача эта становилась трудно выполнимой и влекла за собой неминуемые столкновения с соседями. Лежавшая рядом с ней девушка по-свойски закинула на нее руку, Ольга поежилась, но отталкивать не стала, побоявшись разбудить уставших после тяжелого дня друзей. В голове роились самые разные мысли: от предстоящих новых испытаний холодом, до завистливых взглядов сверстников, которым не довелось попасть в число отчаянных туристов, решивших покорить подступы к этому коварному тысячнику. Романтика заснеженных вершин сейчас билась о неприступные скалы инстинкта самосохранения, периодически девушка вздрагивала и пугалась собственной решимости, но Морфей и гаснущий свет горячей печурки взяли верх над разумом. Ольга уснула, уткнувшись носом в плечо боевой подруги, чьи объятия совсем недавно казались ей такими неуместными.

Четырехметровая палатка, сшитая на заказ специально для зимних походов и снабженная дымоходом, благодаря стоявшей по центру буржуйке визуально делилась на два отсека. У дальней стены в одну большую лежанку были расстелены не пропускающие холод пенки и спальные, на которых вплотную друг к другу могли разместиться шестеро взрослых человек. В нашем случае – четверо парней и две девушки. В другом отсеке, находящемся у утепленного двойного входа, разместились рюкзаки со снедью – слева, и верхняя одежда и обувь – справа. «Хозяйственный центр», так называл эту часть помещения Владимир – руководитель похода. Молодой преподаватель физвоспитания, только окончивший педагогический институт, разрешил вне школы обходиться без положенного ему Васильевича. Он взял этот выпускной класс в октябре, после того, как предыдущий наставник отбыл на пенсию, а два месяца назад, в конце декабря, смело поддержал инициативу своих подопечных отметить последний школьный год зимним экстремальным походом.

Подобных событий история маленькой школы не знала, снаряжая учеников в путешествия исключительно в летний период. Но нужные разрешения были получены, состав экспедиции утвержден, флаг с гербом школы и металлическая капсула с посланием будущим туристам заготовлены. Ряд проволок с директором школы помогли утрясти родители одного из участников похода, чьим хобби с юных лет были экстремальные путешествия, и подготовка перешла в финальную стадию. Долго выбирали маршрут, сойдясь в конце концов на одной из старых троп, ведущей к именитой уральской вершине, почитавшейся у старообрядцев свя-

щенной. Когда-то в этом месте предполагали богатые залежи полезных ископаемых, но разведка на местности дала отрицательные результаты.

Начиналась тропа в окрестностях маленькой деревушки с одной единственной улицей. В двух десятках километров от деревни тропка упиралась в подножие величественной горы, а потом – местами напрямик, местами серпантинном поднималась до середины склона. Здесь и состоялась первая ночевка. Достигнуть вершины планировали к середине второго дня пути, там – установка флага и фото на память, а дальше – в обратный путь по проторенной ранее дороге. С ночевкой в том же месте. Бивуак на вершине решили не разбивать: зимние ветры и непредсказуемый горный климат могли снести палатку к чертям со всеми ее постояльцами.

Первый день похода пролетел как ветер, сметая на своем пути даже самые яркие эмоции, срывая из воспоминаний редкие минуты отдыха и тишины. Холодный воздух, глубокий снег и непроглядный туман, как и полагается истинным хозяевам снежного покоя, постарались изо всех сил отвести путников от продвижения вперед, от безумной идеи покорить этот белый мир. Даже дневку не ставили, а просто подкрепились сухарями с сыром. К сумеркам обессиленные и уставшие добрались до заброшенной сторожки, когда-то построенной рудокопами, но даже не попытались проникнуть внутрь. Сил хватило только на установку палатки и разведение огня в буржуйке. Укрывшись от непогоды под светло-серым, необыкновенно в этот час уютным, покровом, даже самые отчаянные путешественники не рискнули высунуться на улицу. Поэтому и ужинать решили холодными консервами прямо на спальниках. Наверное, оттого и ворочались больше обычного, так как кто-то умудрился накрошить сухари, и теперь даже через теплое белье чувствовались неприятные покалывания. Тем ни менее к ночи порывы холодного ветра сменились штилем, звуки снаружи практически стихли и молодой руководитель похода позволил себе закрыть глаза и уснуть крепким сном.

В 6 утра часы на руке Владимира начали издавать неприятный писк, будя не только своего хозяина, но и всех вокруг. Со стороны посапывающих до этого момента старшеклассников послышалось недовольное ворчание, неожиданно сменившееся смехом. Поднявшись на одной руке, учитель увидел причину восторга: продрогнув ночью, парни, не стесняясь, обнимали друг друга, их примеру последовали и девушки.

– До свадьбы ни-ни! – хохотал Иван, рослый спортсмен с уже хорошо проступившей щетиной и смешными ямочками на щеках, выбираясь из-под своего друга Тимура.

Не дожидаясь подобных реплик от прильнувшего к нему Артема, того самого участника похода, чьи родители смогли уговорить на подвиг директора школы и раздобыли весь необходимый инвентарь, когда по всей стране бушевал жесткий дефицит, Владимир соскочил с лежанки и, накинув валенки и пуховик, поспешил на воздух. Новый день перечеркнул вчерашние трудности ярким солнцем и ласковым безветрием, только редкие снежинки, отливающие неоновым блеском, могли нарушить столь чудесное утро, неловко приземляясь на ресницы. Раскинув руки и вдыхая морозный воздух, Владимир уставился прямо в небо. Только сейчас он невольно вздрогнул: нежно-голубое полотно было поразительно чистым – ни облачка, ни птички, ни звука. Только местами смыкавшиеся кронами вековые сосны колыхались и тихонечко шуршали серебристыми иголками. Когда Ольга показалась у него за спиной, дернув молнию входного проема, он чуть не подпрыгнул, резко обернулся и нечаянно наградил девушку злым взглядом, от чего та тут же поежилась. Молча она обогнула его и, остановившись у кромки сугроба, со вздохом сделала первый шаг в сторону заледенелых кустов, способных послужить завесой от мужских взглядов в ее женских делах. Невольно Владимир проводил ее взглядом.

Замок на палатке снова дрогнул, вместе с ним Владимир.

– Чудное утро, – бодро отчеканил он, – предлагаю завтрак приготовить на свежем воздухе.

– После вчерашних кулинарных провалов так хочется горячего супчика, – появившаяся Анна шмыгнула носом в предчувствии ароматов полевой кухни.

– Тогда доставай консервы, макароны и приправки, я пока разведу костер. Только, пожалуйста, – и он попытался посмотреть на нее по-отечески, – одевайся тепло. Солнце здесь очень хитрое и плохо подготовленных туристов валит с ног играючи.

– Я в курсе. – Анна запахла пуховик, пропустила выползающих одноклассников, и нырнула в уютное тепло палатки.

День действительно выдался сказочным. Температура поднялась, то и дело подстрекая снять шапки и развязать шарфы, снег стал податливым как сахарная вата, ветер так и не поднялся, а мелкие снежинки к обеду совсем перестали спускаться с небес на землю. Владимир то и дело затягивал заученные им бодрящие песни, Анна пыталась тихонько подпевать. Юноши сперва стеснялись, но и они к обеду распелись и горланили так, что эхо не успевало подхватывать звонкие мелодии, чтобы разнести их по снежным уступам. Шум от перебирающей палками компании стоял такой, что даже самый бесстрашный зверь, наверняка, постарался убраться восвояси. Ольга петь не пыталась, но то и дело заливалась смехом от очередного комичного па то Ивана, то Тимура.

До вершины горы компания добралась почти в полдень. Перед ними раскинулось огромное плато, покрытое снежными волнами – это ветер смастерил здесь сказочную морскую гладь. Оборачиваться вниз решили все вместе, на счет три.

Вид сверху захлестнул с головой. Вот они, такие сильные и такие маленькие по сравнению со всей этой огромной пропастью. Ни перевала, ни деревни у подножия не было видно: только верхушки черных деревьев да полосы снега, разрезающие эту черноту, как вены.

– Восхитительно! – ахнула Ольга.

– И страшно, – немного попятилась ее подруга.

– Говорят, спускаться проще, чем подниматься, – улыбнулся Иван.

– Ничего подобного, – с этими словами Владимир достал из рюкзака флаг и капсулу с посланием, – спускаться сложнее. Поэтому быстренько кушаем, выполняем долг перед Родиной, фотографируемся и вниз.

– Ну вот, – Артем достал пакет с бутербродами, – как всегда, все самое интересное...

Он не успел договорить, потому что страшный гул буквально заглушил его слова. Все шестеро замерли от увиденного. Только на вершине горы можно воочию наблюдать приближение стихии: белая пелена снега с поразительной скоростью и пронзительным воем приближалась прямо к ним.

– Вниз!!! – закричал Владимир, – Прижимайтесь к деревьям! Ныряйте в сугробы. Быстрее!!!

Сплоченная команда вмиг превратилась в кучку испуганных ребятишек. С криком и выступившими непонятно почему слезами Ольга присела и начала спускаться по склону, перебирая ногами. Скользкий лыжный костюм покатился легко и быстро, и ей оставалось только огибать невысокие кусты, растущие у вершины. До деревьев, которые должны их спасти еще несколько десятков метров. Или нет? Она совсем потеряла контроль над скоростью, зацепилась за торчащий из сугроба сук и покатила кубарем вниз. Снег ударил в лицо, но это был не просто сугроб, это белая мгла заполонила все пространство вокруг девушки. Не оглядываясь, она слепыми глазами стала искать спасительные деревья и мертвой хваткой вцепилась в первый же шершавый ствол. Она сразу почувствовала ледяную кору и поняла, что потеряла варежки. Еще почему-то жутко ныло плечо, а спине стало невыносимо холодно. Она попыталась оглянуться, но снежная волна накрыла ее с головой и она прямо услышала, как в голове лопнули последние ниточки, державшие ее в сознании.

2– Утро нового дня

В голове гудело, поясница ныла, мир сошел с ума. Ольга совершенно запуталась в мыслях и ощущениях, и более того, она даже не понимала где она и что с ней происходит. Сознание возвращалось к ней поэтапно. Первой, как и предполагается, пришла боль. Она растекалась по всему телу, проникая в каждый пальчик, каждую мышцу, но сильнее всего изнемогала спина. Поясница горела адским пламенем. Попытки пошевелиться еще сильнее разжигали этот костер. Терпеть эту боль не было сил.

Следом за болью пришел страх и Оля, схватив побольше воздуха в легкие, распахнула налитые свинцом веки. Тусклый свет свечи освещал маленькую комнатку. Выбеленные стены, завешанные со стороны кровати маленьким цветастым ковром. Такой же унылый потолок. Рядом с кроватью небольшой круглый столик, накрытый ажурной салфеткой, на которой мирно покоилась кружка со свечой. Около стола деревянная дверь. На дощатом полу знававшийся виды полосатый половик. Вся комната как экскурсия в деревенский домик ее бабушки. Только вот ничего этого Ольга раньше не видела, и поэтому понятия не имела, где находится.

Боясь лишний раз пошевелиться, девушка руками попыталась ощупать свое тело. Так, руки. Руки на месте. Голова, шея, живот, бока, ноги. Вроде все в порядке. За исключением боли в спине, конечно. Только вот еще странность: какая-то большущая ночнушка спуталась в районе поясницы. Такой у нее точно не было. Откуда тогда она?

Теперь главный вопрос: что случилось? Это терзало Олю сильнее всего. Да и как она оказалась в комнатухе, тоже не понятно. Нужно порыться в памяти. Так-так. В голове закружились последние события. Ссора с мамой, которая, как обычно, отказывалась понимать девичьи хотелки. Потом появился отец и попытался отговорить Ольгу от опасной затеи с зимним походом. Поход! Два дня в снежном плену, как кинолента, пролетели в голове. И плато на вершине горы, и захватывающий дух вид на окрестности. Потом страшный гул, приближающийся ужас, паника, крик учителя... Что-то случилось потом. Но что?

Ольга закатила глаза, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. Но в следующую секунду вздрогнула всем телом, услышав скрип открывающейся двери.

– Ты проснулась? – в дверном проеме стояла женщина, на вид ей было лет тридцать пять. А может и сорок. Этих пышущих здоровьем селянок в первого взгляда не разобрать. Разве что излишняя бледность добавляла возраста.

– Кто вы?

– Меня зовут Настасья Алексеевна, – с этими слова она шагнула в комнату и, не замечая испуганного взгляда девушки, уселась на край кровати, – Можешь звать меня по имени. Болит сильно?

Оля кивнула.

– Даже не знаю, чем тебя и потчевать, – женщина как-то по-деревенски всплеснула руками, – все самые редкие отвары в тебя уже отправила. Пойду еще что-нибудь покумекаю.

И она встала. На ней было серое шерстяное платье, немного великоватое и довольно поношенное, но тем не менее вполне годное для домашней носки. Раньше в таких расхаживала добрая половина маминых подруг, но фасон уж давно вышел из моды. На ногах – разноцветные носки ручной вязки, доходившие почти до середины голени. Густые русые волосы заплетены в тугую косу, свисавшую почти до середины живота. С ленты свисали разноцветные бусы, гармонирующие с огромными носками. Но вместе с серым платьем весь комплект смотрелся потешно.

– Свисти если что, – с улыбкой проговорила Настасья и вышла.

Ольга осталась одна в маленькой комнатке без единого окошка. Она понятия не имела, где находится, и как долго. Ранее она периодически приходила в себя, но только и видела, что

забеленный потолок, такие же стены, ну и стол. Она вспомнила, что сквозь беспокойный сон то и дело слышала спокойный женский голос со странным акцентом, а может просто с деревенским приговором. Иногда чувствовала легкие прикосновения заботливых рук, приподнимающих ее голову, чтобы она снова и снова смогла отпить горькое снадобье.

Сейчас она наконец-то пришла в себя окончательно, и в нос ударил едкий запах гари. За дверью слышались быстрые шаги, перемежавшиеся с оханьем и причитанием. В следующую секунду дверь в комнату отворилась.

– Ты не представляешь, я сгубила последние листья шалфея! – вошедшая была крайне взволнована, и на ее мраморном доселе лице появился розовый румянец, – А в наших краях такие травы большая редкость.

«Она смешно протягивает ударные гласные», – подумала Ольга, но лишь молча продолжила смотреть на хозяйку дома.

– Да что ж ты так палишься, милая моя? Приходи уже в себя. Хватит чахнуть, – и она присела на стул.

– Кто вы? – Ольга попыталась привстать, но тут же вскрикнула от боли.

– Да не дергайся ты! Вечером Арина придет, может залатает. Уж не знаю, что она там шепчет, только всякие чахоточные у нее на следующий день встают как ни в чем ни бывало. Вчера бы уж пришла, да уехала давеча куда-то по делам. Потерпи, милая, – и женщина погладила Ольгу по голове, – А звать меня Анастасия, но друзья Настасьей величают, а кто и вовсе Тасей. Но это все молодежь. А ты зови как удобней. Только сильно не напрягайся, тебе еще до вечера терпеть. Не спасают тебя мои травы. Ой, не спасают...

Заглядевшись на забавную сиделку, Оля позволила себе расслабиться и улыбнуться:

– Спасибо.

– Да не за что пока благодарить – трупом второй день валяешься!

– Так я здесь уже два дня? – ей в ответ Анастасия лишь грустно кивнула, – Но как я здесь очутилась? Я совсем уж думала, что умерла. И этот снег везде, – при этих словах она вся сжалась, – Как же я выбралась? Чудом?

Голубые глаза на мраморном лице вдруг вспыхнули, или Ольге это показалось; на секунду она сомкнула глаза, а когда снова открыла, то увидела лишь хитрый прищур и плотно сжатые губы. Но уже в следующий миг женщина словно опомнилась и снова заговорила, растягивая гласные:

– Таким уж и чудом! Тебя дети мои нашли, снегом заваленную. И как тебя угораздило? Они тебя и тащили-то на сваленном молодняке. Не знаю, как умудрились. Так и боялись, что у тебя позвонки переломались. Ой, только не реви! – спохватилась рассказчица, услышав произвольные всхлипывания, – Все у тебя вылечится! Ну!

– У меня папа доктор, – запричитала Ольга, – знаю я, как это лечится. Это же на всю жизнь теперь калекой буду!

– Ой! Да горе ж ты мое! Сказала же, Арина тебя вылечит.

– Она что, колдунья что ли? – не унималась Оля.

– Знахарка. Да и какое тебе дело-то? Да хоть добрая фея! Главное – на ноги тебя поставит!

Где-то в доме раздался шум и Ольга прислушалась.

– Я скоро вернусь. Успокаивайся, давай, – и Настасья вышла, прикрыв за собой дверь. Через пару минут слышались мужские голоса. Только вот смысла разговора Ольга понять не могла, видимо еще пара дверей отделяла ее от говоривших.

Она снова попыталась привстать, но теперь уж точно зареклась пробовать. Возможность стать инвалидом на всю жизнь несколько выбивала из колеи, но она собралась и утерла слезы покрывалом. Мимолетом заметила, что ее новая ночнушка приятного голубого цвета. «Надеюсь, меня переодевали не дети, – подумала она, – А в общем, все равно. Надо дождаться эту целительницу и срочно возвращаться домой. Господи Боже! Что же творится с родителями?

Лишь бы не папино сердце!» Комок снова подкатился к горлу. «Да что же я за размазня такая!» Ольга стиснула зубы и попыталась рассуждать трезво: «Я потерялась два дня назад. Так. Если какие-то там дети нашли только меня, значит с остальными все в порядке. Ребята либо ищут меня, либо отправились обратно, но все равно еще не добрались до дома. Значит, папа с мамой еще не в курсе. Уже легче. Если все правда и завтра я встану, то можно будет попытаться найти телефон. Это же люди. У них обязательно должен быть телефон! Я успею вовремя сообщить родителям, и за мной прилетят на вертолете. Так и будет. Я уверена! А если я завтра не встану?!!»

В двери постучались.

– Можно? – в дверном проеме показалась мужская голова.

– Конечно, – Ольга с трудом приподняла голову. Глаза ее устремились на молодого человека, разглядывая его, как музейный экспонат – настолько необычная внешность у него была. Слегка продолговатое лицо было не столь бледным, как у матери, но таким же гладким, словно отлитым из пластика. Светлые русые волосы растрепались, придавая гибкости отточенному скуластому лицу, покрытому редкой щетиной. Прямой нос, резкая линия губ, густые брови вразлет и ясные, небесно-голубые глаза довершали портрет. Ольга поймала себя на мысли, что смотрит на парня как замороженная. Смотрит и молчит. Молчал и он. Пауза затягивалась, а она все никак не могла подобрать слов.

Тишину нарушил приветливый голос Настасьи:

– Макс, ну что ты встал, как вкопанный? Она ж до смерти испугается! – и она рассмеялась, – Имя-то у девочки разужнай, а то так и будем ее «бедняжкой» звать.

– Оля. Оля Мамонтова, – отрапортовала та.

– Ну и славно. Оленька, это Максим, мой старший сын, – и она прикоснулась к плечу слегка смутившемуся, но тем не менее приветливо улыбнувшемуся юноше, – Он скромняга, но очень добрый. Всю ночь не спал, охранял тебя.

– Не стоит подробностей, мам, – его голос прозвучал у Ольги где-то в груди, снова вводя ее в подобие транса, – Ты, кажется, собиралась ужин готовить?

– Ну да, ну да. Ухожу, – и женщина снова рассмеялась. На последок она похлопала юношу по плечу, – Вас с братом прокормить – настоящая проблема, обжоры вы этакие.

– Ну, как ты? – Максим сразу же перевел взгляд на Ольгу, – Выглядишь не плохо.

– Спасибо, – еле слышно прошептала девушка.

– Я присяду? – и он шагнул ближе к кровати. На нем были потертые синие джинсы и старая клетчатая рубашка в тон, а из-под брючин выглядывали все те же озорные носки ручной вязки. Рост у него был выше среднего и от того Ольге с высоты кровати он показался настоящим великаном с широкой грудью и крепкими руками. Ей даже представилось, что он, наверное, кузнец и ловко и изящно управляет с молотом и наковальней.

– Спасибо, что спасли меня, – эти слова получились уже громче.

Парень улыбнулся, присел на стул, закинул ногу на ногу, и пристально уставился на нее.

– Спина сильно болит?

– Ноет. Твоя мама сказала, что это позвоночник.

– Ну, – он слегка вздохнул, – моя мама частенько преувеличивает. Она тебя уже напугала Ариной?

– Напугала? – Ольга подняла брови, – Скорее обрадовала. Даже если она ведьма злая, лишь бы я встала на ноги, мне очень нужно найти телефон и связаться с домом.

– Во-первых, – неожиданно серьезно начал Максим, – Она не ведьма. В наших краях люди всегда занимались целительством и знахарством, без этого не выжить. На одних маминых травках далеко не уедешь. Все, что знает Арина передавалось в ее семье от матери к дочери на протяжении многих веков. И, ты знаешь, мы очень чтим всю ее родословную. Она несколько

раз помогала Алексею – он просто магнит для катастроф, и он сейчас здоров, как бык. Мой дед и ее отец были близкими друзьями и...

– Да я ведь ничего не имею против, – перебила Ольга, разгадав легкую обиду из-за своих слов про ведьму.

– Это я к сведению, – неожиданно резко обрезал молодой человек и продолжил, – Вторых, боюсь тебя расстроить, но мы, как бы так сказать, отрезаны от внешнего мира. Или вернее, он отрезан от нас. В общем, про телефон можешь забыть, – он немного помедлил, увидев окружающие глаза девушки, – Но, не волнуйся, выход есть.

– Какой же?

– Как только в районе перевала появятся спасатели, я доставлю тебя прямо к ним. Легенду о своем спасении можешь придумывать уже сейчас, но про меня и мою семью ни слова.

– В смысле? – Ольга растерянно смотрела на серьезное лицо, ожидая, что вот-вот на нем дрогнет всего один мускул и проявится улыбка в знак шутки.

– Все просто, – его лицо не дрогнуло, – Мы и еще несколько семей живем обособлено. Мы не дикари какие-то и периодически навещаем всю эту вашу цивилизацию, но к себе чужаков не пускаем.

– А я?

– А ты – редкое исключение. Нам с матерью пришлось очень сильно похлопотать, чтобы оставить тебя в деревне. С твоей стороны будет вежливым покинуть ее не нанося вреда ни нам, ни ее жителям, – он немного помолчал, дав девушке собраться с мыслями и понять все его слова, – Твою легенду я тщательно обставляю и никто не заподозрит тебя во лжи. Вернешься домой и будешь жить долго и счастливо, – он снова остановился, но все-таки улыбнулся и продолжил, – Я знаю, что у вас там есть книги, которые вы читаете. Я тоже читал. И... В общем, не пиши потом про это никаких книг.

– Ты серьезно? – Ольга до сих пор не верила, что парень не шутит, – Не писать книг про тебя?

– Не то, чтобы про меня. Про нас.

– Я не понимаю...

– Ты скоро поймешь. Ты ведь захочешь выйти на улицу...

Он не договорил, потому что двери в комнату резко распахнулись и на пороге появился еще один красавчик. По светлой коже и овалу лица было понятно, что это второй сын Настасьи. Внешность его также отличалась строгими чертами и ровными линиями. Только губы у этого парня были намного крупнее, чем у брата. И глаза были темнее и ярче – синие-синие. Одет он был, в такие же, как и у Макса, штаны и теплые носки. Вместо рубашки на нем была зеленая куртка, отороченная каким-то непонятным мехом. Сам он был в диком возбуждении и радостно улыбался, глядя на очнувшуюся девушку. Судя по всему, он даже толком не разделся; так спешил, что на длинных растрепанных волосах еще искрились снежинки.

– Я так рад, что ты пришла в себя! – он в один прыжок подскочил к кровати и уселся на корточки, так, что его лицо оказалось совсем близко. Запах снега и хвои ударил Ольге в нос и она невольно улыбнулась.

– Спасибо, мне уже лучше.

– Я – Алекс, – он попытался протянуть руку, но вовремя ее одернул, – Тебе еще нельзя шевелиться. Но вот завтра, поверь мне, ты будешь как новенькая, – он широко улыбался и смотрел то на девушку, то на брата, – Они тебе уже рассказали?

– Что именно? – спросила Оля. Молодой человек с первых минут показался ей таким добрым и милым, что она даже почувствовала легкий прилив сил, – Про Арину или про книги?

– Какие книги? – не понял юноша.

– Не важно, – Максим поднялся с места, – мы тебя утомили. А ты все еще больна. Пойдем, Алекс.

– Но, – Оля попыталась протестовать, – мы не договорили.

– Ничего страшного. Отдыхай, – он открыл дверь, но остановился, дожидаясь брата. Ольга пристально смотрела на счастливое лицо напротив.

– Все будет хорошо, – Алексей сказал это с такой нежностью и уверенностью, что ей наконец-то в это поверилось. И от радости даже немного закружилась голова. Ее виска коснулся легкий поцелуй и она окончательно растаяла, провожая благодарным взглядом это светлое и доброе лицо.

– Спасибо, – прошептала она и неожиданно для себя провалилась в сон.

Появление старой женщины она практически не запомнила. Глаза словно налились свинцом, и открыть их не представлялось возможным. Сквозь сон она слышала голоса, но не могла их различить. Кожей она чувствовала прикосновения к своему телу. Чьи-то руки барабанили пальцами по одеялу, направляя легкие импульсы к уставшим мышцам и больным суставам. С каждой минутой становилось теплее и легче, мысли улетали все дальше и дальше, и наконец исчезли совсем.

3– Добро пожаловать?

Ольга не знала, сколько часов или суток спала, но всем телом чувствовала наступление нового дня. И хоть ее временная опочивальня была лишена окон, сердце девушки знало, что по ту сторону комнаты в эти холодные стены жаркими лучами упирается яркое солнце.

– Доброе утро! – раздалось из приоткрывшейся двери, и на пороге комнаты появился Алексей. Из уст этого сияющего здоровьем и беспечностью молодого человека слова срывались как песня. И если уж он желал, чтоб утро было добрым, то так тому и быть. Оля готова была визжать от радости, как ей сейчас было весело и спокойно на душе, хотелось свернуть горы, бороздить океаны, пускать фейерверки и прыгать до потолка. Она осторожно привсталала на постели и хлопала в ладоши от счастья – поясница беспрекословно слушалась свою хозяйку, не причиняя боли. «Для счастья, ведь, так мало надо!» – подумала она и опустила ноги на пол. Холод резко привел ее в чувства и заставил вернуться на место. С гневом Оля уставилась вниз, потом на Алексея. Тот искренне веселился.

– Держи! – протянул он ей вязаные носки с веселым орнаментом, – Подарок от мамы.

– Спасибо, – Ольга тут же надела обновку, – мне б еще вещи мои, а то как-то не ловко в сорочке-то.

– Ой, – парень хлопнул себя ладошкой по лбу, – совсем забыл. Сейчас принесу.

Он вышел, а Оля продолжала улыбаться. Было что-то такое в этом молодом человеке, что делало его присутствие рядом настоящим праздником. А его отсутствие даже на минутку заставляло скучать по нему, как по лучику солнца.

– Ну где ты там? – крикнула она, но не дождалась и решила выглянуть за дверь.

Девушка даже не удивилась, попав в еще одну побеленную от пола до потолка комнату. Правда в этой убранство было побогаче: на стенах висели цветные ковры, вдоль которых нагромодились массивные стеллажи и тумбы с разным хламом. В самом центре стояло три разнокалиберных кресел и небольшой столик. Повсюду были чучела животных, две стены украшали большие олени рога, а на спинке одного из сидений разлеглась пушистая рыжая шкура. Даже запах в этой просторной комнате был другим – смесь древесной смолы, морозной свежести и печеного мяса. При мысли о еде, Оля сглотнула слюну. Голод прямо терся о внутренние стенки ее желудка, заставляя ее, как заколдованную, идти на запах. Слева из приоткрытой двери, доносилось позвякивание посуды. И девушка тихонько шагнула в ту сторону.

За дверями действительно оказалась кухня. В углу расположилась странной конструкции печь, около нее сутилась Настасья. Увидев Ольгу, она ахнула:

– Ты что ж это, бесстыдница такая, в ночной рубахе гуляешь? Разве можно? Двое мужчин в доме!

Щеки девушки тут же зарделись румянцем. Она осознала как выглядит: растрепанные волосы, чужая мятая сорочка и большие, наполовину сползшие носки.

– Простите меня, – Оля, как нашкодивший карапуз, побежала в комнату.

– Алекс! – услышала она вдогонку, – Принеси девчонке одежду!

– Несу уже! – парень появился из противоположных кухни дверей. Но Оля, не задерживаясь, сразу же нырнула в комнату.

Алексей предусмотрительно постучался, но тут же вошел с сияющей улыбкой:

– Не обращай внимания! – он протянул ей вещи, – Мать старой закали.

Ольга бросила на него суровый взгляд. Хоть парень и был не причем, но на кого-то же надо сорваться. Стыдно было, что ее как, девчонку, отчитали, но Настасье-то она сказать ничего не могла, а вот на Алекса подуться – запросто.

– Ну что стоишь? Мне одеться надо! – и она показала ему на дверь. Тут же поймала себя на мысли, что дует губы. Она в детстве так демонстрировала свой характер папе, когда тот отчи-

тивал ее за провинности. В голове не укладывалось, как этот молодой человек за пять минут общения смог так глубоко залезть ей в душу, что рядом с ним было так спокойно и уютно, как в родном доме.

– Алекс! – позвала Оля, как закончила с одеждой. В гамашиках и длинном свитере было куда уютнее и теплее.

– Чего изволите? – тут же появился на пороге Алексей.

– Как ты это делаешь? – она села на краешек кровати.

– Что? – искренне удивился он.

– Мы едва знакомы, а ты ведешь себя так, словно сто лет меня знаешь.

– А так бывает, когда рискуешь ради человека жизнью, – и он присел рядом, в то время как Оля, не понимая о чем он, пыталась подобрать слова, – Когда мы с братом нашли тебя, нам понадобилось полдня, чтобы принести тебя сюда. Мы не были готовы, страшно замерзли, а потом еще переругались со старостой из-за того, что притащили тебя в деревню. Я сам полдня провалялся в горячке. Макс до сих пор то хрипит, то кашляет. Мы, конечно, не мерзляки, но метель в ту ночь разыгралась страшная.

Оля слушала раскрыв рот, а он продолжал:

– Мы за эти три дня с тобой так много пережили. Да и волновались за тебя как за родную. Оно само так получилось. Но я искренне рад, что с тобой все в порядке.

– Я... я даже не знала...

– Да не переживай, все живы, здоровы. Пойдем лучше завтракать, пока у тебя спина и живот не слиплись, – с этими словами он взял ее за руку и повел на кухню, в центре которой за массивным деревянным столом их уже ждали Максим и Настасья.

– Я даже не знаю, как вас всех благодарить, – начала Оля, усаживаясь, – Алекс рассказал, что вы пережили из-за меня.

И она выразительно посмотрела на старшего из братьев; тот, в свою очередь, бросил укоризненный взгляд на младшего.

– Честное слово, – Ольга слегка покраснела, – из-за меня вы рисковали жизнью, ссорились с соседями...

– Он преувеличивает, дорогая, – перебила ее Настасья, – мои хлопцы многое наговорят, чтобы заполнить твоё внимание. Главное, что ты здорова, а остальное – мелочи жизни.

– Мама права, – вступился Максим, – не думай об этом, набирайся сил. Через день-два придут спасатели и тебе придется самой топать до поселка. Я тебя провожу, но идти и правда далеко.

– Конечно, конечно, – Оля устала в тарелку с тушеным мясом, – Просто хотела сказать большое спасибо.

Настасья улыбнулась и принялась за еду, остальные последовали ее примеру.

Сразу после завтрака Максим, поцеловав мать в щеку и что-то прошептав, куда-то ушел, а Алексей, отлучившись всего на пару минут, притащил лыжный костюм, в котором Оля несколько дней назад отправилась в зимний поход, и предложил пойти на свежий воздух. Сам он накинул куртку с отороченным мехом капюшоном да цветную вязаную шапочку. Уже у выхода на улицу он достал из-под скамейки две пары валенок.

Едва Алексей приоткрыл дверь, в сенях закружили блестящие снежинки, ворвавшиеся сюда вместе с беспокойным ветром. Солнечный свет слепил глаза, отливая серебряными брызгами от высоченных сугробов, окаймляющих узкую тропинку, ведущую от дома. Повернувшись, Алексей улыбнулся и протянул руку.

Тропинка недолго петляла между сугробами и невысокими деревьями, усыпанными снегом, а потом выходила на широкую, почти круглую площадь, в центре которой стояла невысокая колокольня – четыре бревенчатые стены и, собственно, сам колокол. Оля обернулась,

покинутого ими дома даже не было видно. А впереди, во все стороны от площади разбегались десятки тропинок, ведущих к таким же, скрытым в сугробах, домикам.

Алексей, не выпуская ее руки, повернул направо.

– Я отведу тебя в одно место. Мое любимое.

Они не спеша двинулись к показавшимся за сугробами высоким соснам, преграждающим путь к целой горной гряде.

– А где та вершина, которую мы покоряли? – спросила Оля.

– Довольно далеко, если идти в обход Каменного Змея, но если знаешь тропинки, и не боишься высоты – километров тридцать.

– Далековато... А ты пойдешь меня провожать?

– Нет. Такую важную миссию доверили Максусу. Так решила мать, а я ей стараюсь не противиться.

– А где ваш отец?

– Он погиб молодым. Я его даже не помню. Но, ты знаешь, наша мама даст фору многим мужикам в деревне, – и он рассмеялся.

Минут через двадцать они добрались до деревьев. Те черной стеной вырывались из плотного снежного наста. Ветки тех, что не были покрыты темно-зеленой хвоей, угрюмо торчали в разные стороны, напоминая скрюченные пальцы. Местами между темных стволов были видны маленькие тропки, убегающие в темноту. Ольга поежилась.

– Не бойся. Это всего пара сотен метров. Это не лес, а лишь его полоска. Пойдем, – улыбка не сходила с его лица, синие глаза отражали солнце и безоблачное небо, а на выбивающихся из-под шапки волосах искрились снежинки. Ольга с нежностью посмотрела на «снежного принца» и послушно шагнула за ним в сумрак деревьев.

Пробираться пришлось почти на четвереньках, косолапые лиственницы и сосны так и норовили надавать пощечин, заставляя путешественников опускаться все ниже и ниже. Но совсем скоро впереди показался яркий свет, а через пару минут они смогли выпрямиться и осмотреться.

– Что это? – Ольга уставилась впереди себя. Деревья расступились и яркий свет заставил прищуриться. Лишь спустя пару минут она смогла привыкнуть и разглядеть в белесом тумане очертания заснеженных вершин.

– Это Форпост – граница наших земель, – Алексей подвел ее к самому краю утеса, на котором они оказались. Тот резко обрывался, образуя большую расщелину между этой стороной и подножием гряды.

Оля сильнее сжала державшую ее руку и посмотрела вниз. На много метров вниз уходил скалистый обрыв, кое-где обнесенный снегом и поросший редкими кустами.

– Дух захватывает, – прошептала Ольга.

– О да, – раздалось у нее над самым ухом. Алексей прижался к ней всем телом и положил руки на плечи. От неожиданности она чуть не потеряла равновесие, попыталась обернуться, но получилось лишь уткнуться носом в воротник его куртки.

– Здесь очень красиво.

Алексей сделал пару шагов назад:

– И очень опасно.

В какой-то миг он немного растерялся, отвел глаза, но тут же насторожился и обернулся. Из леса к ним навстречу двигался большой белый волк. Он аккуратно переставлял лапы, как будто сам чего-то боялся. Нос его подергивался, ловя запахи.

– Уходи, – не повышая голоса, приказал Алексей.

Волк замер. У Ольги на щеках заблестели две маленькие слезинки.

– Не бойся, – Алексей притянул ее к себе, – он сейчас уйдет.

Но волк оставался на месте.

– Уходи!

В ответ зверь прыгнул вперед и оскалился. Ольга с ужасом посмотрела в сторону обрыва. Бежать было некуда. Страх сковал ее тело и она с утроенной силой вцепилась в своего защитника. Он был невозмутим, смотрел на приближавшегося волка и тяжело дышал.

– Уходи!!! – Алексей крикнул так громко и резко, что Оле почудилось, что он готов зарычать.

И только сейчас она поняла, что слышит не только рычание волка, но и парня. Она посмотрела на Алексея. Все мышцы на его лице содрогались, нос угрожающе морщился, глаза горели ярким неоновым цветом. В страхе она дернулась в сторону и непроизвольно стала пятиться назад. В то время как Алексей приставным шагом двинулся вокруг волка, не отрывая от него своих налитых кровью глаз. Не оборачиваясь, он стянул с себя шапку, сбросил куртку и стянул свитер. В следующую секунду он уже был у кромки леса, нырнул вглубь и исчез. Ольга перевела взгляд на зверя, тот, словно понимая происходящее, ехидно скалил зубы.

– Не приближайся, – Оля пыталась говорить так же уверенно, как до этого делал Алексей, но с губ срывался лишь жалкий писк. Она закрыла глаза и приготовилась к самому страшному.

Громкий пронзительный рык заставил ее очнуться. Прямо перед ней два огромных белых волка слились в смертельной схватке. Шкура обоих стояла дыбом, снег вокруг них буквально кипел, поднимаясь так высоко, что практически скрывал их от испуганных глаз девушки. Но она отчетливо слышала звонкий лязг зубов, грозное рычание и собственное бешено колотящееся сердце. Вдруг один из них издал пронзительный визг, и оба волка бросились в лес. А она так и осталась стоять в оцепенении, не зная, вернется один из них за своей добычей, или нет.

4– Праздничный переполох

Ольга все еще слышала хруст веток, доносившийся из леса. У ее ног лежали вещи исчезнувшего Алексея, она с ненавистью пнула мохнатый капюшон, и уставилась в лес. Нужно было возвращаться в дом, но пробираться сквозь недружелюбные деревья было страшно. Да и вероятность наткнуться на волков была высока. Она в нерешительности осмотрелась. От безысходности слезы градом потекли по щекам.

Ольга не услышала, как из-за деревьев показался Алексей. На нем были только штаны и валенки, волосы растрепались, прикрывая испачканное лицо. Он шел, потупив глаза и раздвигая острые ветки.

– Ты! – в истерике закричала Ольга, – Ты бросил меня!

Но парень не ответил, он молча подошел к своим вещам и начал одеваться.

– Я с тобой разговариваю! – Оля не унималась, гневно утирая застывающие слезы, – Как ты мог?

Алексей поднял глаза. В его взгляде было столько отчаяния, что девушке стало немного стыдно.

– Я не трус, – резко ответил он.

– Но... Ты бросил меня. Эти волки могли растерзать меня.

Он снова поднял глаза. На этот раз в них появился вызов.

– Уверена?

Оля на секунду задумалась и попыталась утихомирить свой гнев. Только сейчас до нее стала доходить вся суть происходящего. И то, что Алекс почему-то разделся, прежде чем оставил ее, и что стоило ему убежать, как из леса выскочил второй волк. Да и грязь на его лице вдруг отчетливо стала напоминать запекшуюся кровь. Она в нерешительности отступила на шаг.

– Что здесь происходит? – в растерянности произнесла девушка, пытаясь найти новые доказательства своим догадкам.

– Ты понимаешь, – он попытался подойти ближе.

– Не трогай меня! – Оля продолжала отходить от парня, приближаясь к лесу. В глазах появился ужас, ноги пронзила дрожь.

– Оля, не бойся, – он старался говорить как можно мягче, но эти интонации только пугали ее.

– Не подходи!

Но Алексей не отступал и медленно двигался вперед. Ольга вскрикнула, развернулась, и, выставив вперед руки, ворвалась в лесной массив. Уже через пару метров ей пришлось упасть на четвереньки и продолжить двигаться вперед, укрываясь, таким образом, от растопыренных во все стороны колючих веток. Едва увидев впереди свет, она услышала звук колокола. Поднимаясь с колен, она еще быстрее побежала в сторону деревни, уже различая гул человеческих голосов. Оборачиваться не было сил, дыхание сбилось, но она не собиралась сдаваться.

Уже завидев людей и площадь, Ольга перешла на шаг. Она хотела закричать и попросить о помощи, но остановилась в нерешительности, увидев, что какой-то мальчишка лет двенадцати вытаращил глаза и стал показывать на нее пальцем. Несколько пар глаз метнули в ее сторону злые взгляды.

– Вон она! – крикнула какая-то женщина, вызвав тем самым общий ажиотаж.

– Что происходит? – Ольга сделала несколько шагов назад, – В чем дело?

Но вместо ответа она лишь почувствовала волну ненависти, исходящую от этих людей, а толпа, немного помедлив, двинулась в ее сторону. Оля уставилась на них, не понимая, что происходит. От страха она потеряла дар речи, ноги словно вросли в снег. Ей некуда было больше бежать. Впереди разъяренная толпа, позади волк.

– Стойте! – знакомый голос помог ей очнуться. Из неоткуда, прямо перед ней появился Максим, – Эта девушка со мной.

– Сынок, – из толпы вышел мужчина средних лет, одетый в овчинный тулуп, – не упрямься. Ей здесь не место, она зло принесет в наш дом.

– Я ничего не понимаю, – еле слышно проговорила Ольга и прильнула к сильной мужской спине, – Макс, твой брат... (Она никак не могла подобрать слова) Он... Это из-за него?

– Не надо, – он повернулся к ней лицом, – дома поговорим.

Потом обратился к толпе:

– Пропустите нас.

Он сказал это таким тоном, что даже рослые мужчины попятились и толпа расступилась. Через пару минут, он вел ее, обнимая за плечи, к дому, где ее так хорошо приняли, и где она так глубоко ошиблась в человеке.

Едва открыв двери, Максим позвал мать. Настасья выбежала в сени, где ее сын стаскивал с остолбеневшей девочки, валенки. Из них на полосатую дорожку высыпался снег.

– Что случилось, – женщина не на шутку удивилась.

– Кто-то из парней попытался на нее напасть, и Алексу пришлось перевернуться. На пятаке паника. Так что в ближайшее время будем ждать гостей. А пока – успокой ее, – и он, как игрушку, передал Ольгу в добрые и ласковые материнские руки.

Через минуту Оля уже сидела в кресле, укутанная покрывалом, пила горький травяной настой и смотрела на огромные рога на стене. «Волк, – думала она, – только волк мог убить такого зверя». Но вслух ничего не говорила. Она слышала, как Настасья что-то кашеварит на кухне, и боялась признаться в своих догадках самой себе. Пока не провалилась в сон.

Проснувшись она в том же кресле, только из кухни доносился не стук банок и склянок, а какая-то незамысловатая песенка. Это хозяйка дома пребывала в отличном настроении.

– Ты проснулась? – показала она в дверях гостиней, – Я не стала тебя тревожить. Ты так перепугалась – на тебе лица не было.

Ольга прокрутила в голове вчерашний день.

– Сколько я спала?

– Почти сутки, – Настасья прошла в комнату и уселась на соседнее кресло, – После Арины так бывает. Организм восстанавливается очень быстро, как и переутомляется. А ты его давеча просто загнала, девочка моя.

– Но, что вчера было? Кто эти люди? И Алекс... – Она не смогла продолжить.

– Не напрягай свою милую головку, дорогуша. Всему свое время. Или опять хочешь захрапеть на сутки? – женщина расхохоталась, увидев на лице девушки румянец, – Шучу! Ты можешь проспаться наш главный женский праздник!

– Какой праздник?

– Ба! – Настасья продолжала смеяться, – Международный женский день. Ты думаешь, мы совсем деревня?

– Нет, – Оля потихоньку приходила в себя, – просто неожиданно.

– Ладно, пойдем чай пить. Расскажу тебе про наши народные гулянья.

Скинув с девушки плед, она бросила его на соседнее кресло и, мурлыкая что-то себе под нос, прошла на кухню. Ольга поспешила за ней, однако сон в кресле дал о себе знать, и она с досадой чертыхнулась.

– Ну-ну, – донеслось из кухни, – ты же девушка!

Снова покраснев, Ольга поплелась на кухню, прихрамывая на обе ноги. На столе уже стояла большая кружка чая, а рядом – корзинка с пирожками и булочками. От них так пахло сдобой, что Оля удивилась, как раньше не слышала аромата. Стряпню она обожала.

– Сознаюсь, что праздник этот мы как бы украли. Иногда мы выбираемся в люди, вот и разузнали про этот женский день. У нас тут, видишь ли, что ни день – то мужской. Развели,

понимаешь ли! А мы тут с девками посоветовались, да и выдали на пятак, мол, весь мир празднует, и мы хотим. Еще лет пятьдесят назад за такие слова нас бы выпороли, а то и хуже. Но связь с внешним миром делает свое дело. Мужики наши уже не такие кровожадные, – от этих слов Ольгу передернуло, что аж пирожок в горле застрял, – в общем дали добро на женский день. Уж лет пять, как отмечаем.

– А как отмечаете? – Оле стало интересно, какое отражение праздник, предысторией которого послужили забастовки американских женщин, нашел в этой глуши. Здешние женщины-то ни на каких фабриках не работали.

– Да по простому. Стол накрываем богатый, в гости друг к другу наведываемся. А еще холостые мужики к девкам свататься ходят.

– Вот и ждем толпу ухажеров с минуту на минуту, – в дверях появился Максим. Настасья зарделась и кокетливо отмахнулась.

– Доброе утро, – все еще жуя, прочавкала Оля.

– Доброе. А ты, мать, не скромничай. Она, – Максим обратился к Ольге, – первая красавица на деревне, хоть и вдова. По нашим обычаям ей можно снова мужа иметь, а она все кочевряжится.

– Да ладно тебе, – Настасья присела на стул, – тут каждая собака Семена знала. Как-то не по себе мне с ними женихаться.

В доказательство слов сына, раздался стук в дверь.

– Открывай, невеста, – Максим рассмеялся.

Хозяйка обтерла руки об полотенце, поправила серое платье и поспешила в сени. Не прошло и полминуты, как она ворвалась обратно и прижалась спиной к двери.

– Уходите! – крикнула она и еще сильнее вжалась в дерево, но напора женщина не выдержала и в следующий миг уже оказалась около стола, успев развернуться и оправиться от толчка.

А на пороге появился вчерашний мужчина в овчинном тулупе. За его спиной стояло еще несколько человек.

– Все свататься? – усмехнулся Максим и вышел вперед, заслоня собой и мать, и перепуганную девушку.

– Не смешно, – мужчина в тулупе сделал шаг вперед и вскинул руку в сторону Ольги, – Ей не место среди нас.

– Она находится здесь по праву, – Максим не думал сдавать своих позиций, – И уйдет она, только когда я скажу.

– О каком праве ты говоришь? – усмехнулся усатый мужчина позади главаря.

– Я спас ей жизнь и теперь она принадлежит мне, – и Макс повысил голос, – Или что-то изменилось за последние несколько минут?

– Это правило касается только наших семей, – мужчина в тулупе окинул взглядом кухню, как будто просматривая пути наступления, – Ты знаешь это!

– Он знает, – Настасья подошла к сыну, – Два дня назад я благословила сына и скрепила его союз с этой девушкой кровью. Теперь она – член семьи. Нашей семьи.

По толпе покатилась волна голосов.

– Ты хитрая лиса, Настя, – хозяин тулупа вплотную подошел к женщине. Его глаза отливали ярким желтым светом и больше напоминали фонари, чем зрачки, – Но ты слишком многое взвалила себе на плечи. Смотри, не унесешь.

– Не бойся, – она ехидно улыбнулась, – Я справлюсь.

Несколько минут они молча смотрели друг другу в глаза, а усатый тем временем выпроваживал из сеней всех собравшихся. Через пару минут развернулся и ушел мужчина в тулупе. Настасья, не опуская гордо поднятой головы, двинулась за ним и закрыла двери. Максим обернулся к Ольге. Она растерянно моргала глазами и шевелила губами – пыталась что-то сказать, но никак не находила слов.

- Ты в порядке? – Макс попытался улыбнуться, но улыбка получилась натянутой.
- Нет.
- Этот мужчина и твой брат...
- Я знаю.
- Оля уставилась на него, не веря, что он действительно понимает, что она хочет сказать.
- Нет, ты не знаешь. Они, кажется...
- Волки? – Макс сказал это так спокойно, словно речь шла о погоде.
- Ты знаешь, – она опустила глаза, – Они хотят убить меня.
- Уверена?
- Нет, – Оля уставилась на него, как будто видела в нем последнюю возможность разобраться со всем, что случилось, – Я уже ни в чем не уверена. Но Алекс... Почему?
- Не думаю, что он причинил бы тебе вред, – и он усмехнулся, – Он у нас ручной.
- А что говорила твоя мама? Ну, про кровь. Что это значит.
- Так у нас заключают браки, – и Макс вновь протянул ей руку, – Ты дрожишь. Пойдем, я разведу огонь в камине.
- Ты серьезно? – Оля взяла его за руку, но все еще не двигалась с места.
- Серьезно, – он засмеялся.
- Что смешного-то? Я не собиралась так рано замуж! И уж тем более не собиралась делать это без сознания.
- Максим продолжал смеяться:
- Расслабься, этот брак действителен только здесь. Когда вернешься к себе домой, забудь про него и все.
- И про братца-волка тоже забыть?
- О да, – он остановился и взял ее за руки, – И книжек не пиши.
- Но...
- Я все тебе расскажу, но позже.
- Когда?
- Позже, – и он потянул ее в гостиную.

5– Волколаки

Маленький огонек в камине еле слышно потрескивал, пытаюсь заняться сильнее. Ольга молча наблюдала за обитателями этого дружелюбного, но такого странного дома. Максим, раздув пламя, уселся на соседнее кресло, а Настасья, все еще напевая себе что-то под нос, вытирала пыль с маленького столика.

– Неси стаканы, – обратилась она к Макс, – разговор будет долгим, без бутылки не обойтись.

Оля и раньше слышала эту поговорку. Так часто говорил ее отец матери, когда в гости заглядывали коллеги-профессоры или соседи с разными болячками. Поговорить о простудах, поносах и прочих заразах любили все жители их дома, а отец, не гнушаясь общением даже с самыми ворчливыми из них, все слушал и слушал их жалобы. Потом сам вещал о достижениях современной медицины, о лазерах и крутых агрегатах, но все равно давал на вооружение только народные рецепты. Мама постоянно жаловалась, что в доме, как у сапожника без сапог – ни одной новомодной таблетки, а все только травки да настойки. Тем не менее, ни Оля, ни Анна Павловна уже и не помнили, когда последний раз болели. А сам Михаил Михайлович, в быту просто Михалыч, слыл самым здоровым мужчиной во всей округе. Кто-то говорил, что он втайне от всех принимает западные таблетки молодости, кто-то и впрямь верил в чудесную силу травок-муравок, а кто-то злостно помалкивал. Не всем по душе приходилось это розовощекое семейство: и достаток у них, и здоровье, и дочь-красавица. А Оля никого не слушала и знала, что сам отец в свои сорок с лихвой до сих пор по утрам закаляется и бежит в любую погоду, мать каждый вечер, обтянувшись лосинами, скачет у экрана телевизора, а сама она через день ходит на волейбол да на лыжи. Плюс хорошее питание. Вот и весь сказ. И никаких молодильных таблеток и дорогих операций.

От этих мыслей у Ольги защемило сердце. «Сколько еще здесь сидеть? Домой, я так хочу домой!» Она уже представляла, как прижмется к матери и простит ей все обиды. А потом подойдет отец и возьмет их в охапку. И она будет рыдать и обещать, что больше никогда не попрется в такой рискованный поход. И что будет хорошей девочкой. И мама всплакнет, а папа рассмеется.

«Ни к чему мне все эти истории про волков, – злилась она про себя, – все равно уеду и забуду. И никаких дурацких книжек писать не буду!»

На столе тем временем объявился бутыль с оранжевым содержимым и три стаканчика.

– Я, наверное, не буду, – Оля раньше никогда не пила спиртного, и начинать не хотела.

– Да ладно тебе, – Настасья подала ей стаканчик, – это легкая настоечка на рябине. Она только согреет и успокоит. Не бойся, не опьянеешь. Если только всю бутыль залпом не выпьешь, – и она снова засмеялась.

Их веселье злило Ольгу еще больше. Где-то на улице рыщет волк Алекс, в деревне, наверняка, уже строят план, как ее убить. Каким-то образом она, чужеродная девчонка, смешалась кровью с Максимом и стала его женой. В другой раз, она, конечно, от такого жениха не отказалась бы, но сейчас, вдали от семьи, в этом доме... А они веселятся... Им самим-то не страшно? И с этими мыслями она неожиданно для себя сделала глоток. Горько-сладкий напиток приятно обжег горло и разлился в животе, от чего она наконец-то немного обмякла.

– Последний раз я слышала эту историю от мужа, – Настасья сделала большой глоток и уселась прямо около камина на маленькую чурку, – Мы сидели в спальне у мальчиков и Алекс так сопел. Ему нетерпелось узнать, каким большим и сильным он станет. Постоянно донимал отца, а Семен все говорил: «Мальчики еще так малы». Тогда ночью Макс проснулся в горячке и никак не мог понять, что с ним происходит. «Пора» – сказал Семен и уселся на кровать к Алексу. А я продолжала обнимать испуганного Максима. В ту ночь на небе стояла полная

луна, и все его естество рвалось на свободу, но он ничего не знал, не понимал, и потому ему было так больно...

Она на некоторое мгновение остановилась и повернулась лицом к камину. Оля видела, как ее плечи слегка содрогнулись.

– Тело и разум, – помог ей Максим, – когда они в разладе, организм сходит с ума. Мышцы начинают переворачиваться, а мозг не дает им завершить обращение, – Максим понизил голос, – Обращение в волка.

– Ты? – Ольга опешила, но спасительный стаканчик все еще был в руках, и она сделала новый глоток.

– Я, Алекс, мама, папа и все жители деревни.

– Волки?!!

– Волколаки, – Настасья повернулась к Оле и Максиму, – так мы называем себя сами. Мы славяне, и предки наши всегда жили именно здесь, а необъятных просторах Руси-матушки. Мы знаем, что есть и другие перевертыши. Но мы не знаем никого из них, не знаем их природы, да и не стремимся узнать, – она снова отвернулась. Вся ее веселость исчезла, и жензина с трудом держалась, чтобы не всхлипнуть.

– Мама хочет сказать, что уже сотни лет наша стая живет обособленно. Мы не ищем встреч с людьми, кроме как для того, чтобы покупать у них вещи и одежду. Некоторые уходят в люди, но не возвращаются. Наверное, они перестают быть волколаками, а может, наоборот, переворачиваются в зверя и убегают в лес. По крайней мере, окажись я вдали от дома, так и сделал бы.

– Не надо, сын, – Настасья вернулась в разговор, – этого не случится. Пока я жива, ты не потеряешь человечности.

– А это возможно? – Оля не верила своим ушам, но любопытство брало верх над осторожностью, – Может быть Алекс...

– Нет, глупышка, – Максим не дал ей закончить опасное предположение, – Он легко переворачивается. Даже без боли. Поверь, он просто тебя защищал. Тот парень хотел прогнать тебя, но в человеческом теле Алекс сильно рисковал. Раны, полученные волком, заживают быстрее, чем те, что мы зарабатываем людьми. Поэтому мы так долго восстанавливали силы, когда тащили тебя в деревню. В волчьей шкуре импровизированные носилки не утатишь.

Ольга только раскрыла рот.

– Есть очень много условностей, дорогуша, но тебе их все знать не обязательно, – Настасья жестом показала сыну обновить содержимое своего стакана.

– А кровь? – девушка никак не могла понять, каким образом вдруг стала женой Максима.

– Кровь Макса я добавила тебе в травяной отвар, который ты пила вчера. Чтобы стать одной из нас, тебе нужно иметь внутри себя частичку нас, чтобы суметь впервые перевернуться.

– Перевернуться? В волка? – Оля не верила ушам, – Я не хочу! Я нормальной хочу быть! – слезы прыснули у нее из глаз.

– Ой, – Настасья с досадой опустошила стакан и облокотилась на камин. Почему-то она не обожглась, – ты такая плакса.

Максим встал и присел рядом с Ольгой на корточки. Она прижала ладони к лицу, но он, не без усилия, взял ее руки в свои и заглянул в заплаканные глаза.

– Не бойся, это вовсе не обязательно, – потом он обернулся к матери, – Поласковее нельзя?

– Можно, – она встала и плюхнулась в кресло, на котором до этого сидел Максим, прямо под рукой оказался бутыл с настойкой, и Настасья ловким движением разлила напиток по опустевшим стаканчикам.

Максим, не отпуская рук Ольги, продолжил:

– В первую полную луну, после начала обращения, тебе нужно совершить ритуал, чтобы перевернуться в волка. Если ты ничего не сделаешь, ты останешься человеком. Обычной девушкой, как ты и хотела.

Ольга всхлипнула и вытерла слезы.

– Все будет в порядке. На полную луну ты уже будешь дома, и с тобой все будет в порядке. Обещаю.

– Но зачем? – простонала Оля еле слышно.

– Это мамина затея, – при этих словах Максима Настасья широко улыбнулась и прищурилась, – Мужчины в нашем роду категоричны и чужаков в деревне не терпят. К тому же есть риск, что ты, оказавшись дома, раструдишь на всю округу, что видела людей, которые могут превращаться в волков. Ну, – он замялся, – или книгу напишешь.

– Бог мой, Макс! – Ольга соскочила с кресла, – Что ты заладил-то с этой книгой? – На нее вдруг нахлынуло непонятное чувство злости, – Не собираюсь я ничего писать, да и рассказывать тоже. Думаете, люди мне поверят? Они решат, что я дурочка и поселять жить в дурдом!

– Что такое дурдом? – Макс действительно не слышал ранее этого слова.

– О! – Ольга заводилась все больше, – Это, скорее всего, мое новое пристанище! Господи! – она закрыла лицо руками, – А если я, сама не понимая, совершу этот проклятый ритуал?

– Не думаю, – Настасья жестом показала ей на кресло, – Сядь и успокойся. Без Макса ты ничего не сможешь. А в полную луну, как тебе уже было говорено, вы будете далеко друг от друга.

Ольга хотела возразить, но хозяйка вдруг изменилась в лице и приподнялась с кресла.

– Думаешь, я желала сыну такую женщину, как ты? – в глазах Настасьи отразился огонь камина, и лицо так изменилось, что Ольга предпочла промолчать, – Думаешь, мне нравится вся эта ситуация? Я просила сыновей бросить тебя в лесу и дать умереть!

Девушка открыла рот в ужасе. Она совсем растерялась. Единственное, чего ей сейчас хотелось, это броситься наутек из этого дома. И пусть ее там съедят волки. Или она просто замерзнет и умрет. Плевать!

– Эти щенки, – Настасья бросила злой взгляд на Макса, который молча облокотился на кресло и наблюдал за происходящим, – уговорили меня оставить тебя. Я не просто впустила тебя в свой дом, я выхаживала тебя, я привела к тебе Арину. Брось они тебя, ты не прожила бы и пары часов. А теперь, смотри-ка, ей противно, что мы волки! Для тебя это честь, дурочка!

Настасья резко развернулась и направилась в сторону кухни. Уже около дверей она обернулась:

– Но, благодари не меня, – и хлопнула дверью.

– Мать преувеличивает, – Максим встал и опять с усилием усадил Ольгу в кресло, – но тут дело вот в чем. Пока не появятся спасатели, ты можешь выжить только в деревне. Но мы не сможем убедить старосту, что, покинув нас, ты сохранишь нашу тайну. Если они будут думать, что ты хочешь остаться здесь навсегда, тебя не тронут.

– Почему же вы их просто не обманули? – Оля почувствовала, что от прикосновений Максима, от его дыхания рядом и под прицелом загадочных голубых глаз ей становится лучше, паника отступает и в голове, наконец-то, проясняется.

– Они могут проверить, – Макс, наверное, почувствовал странную вибрацию в воздухе, и поспешил отдалиться. Он присел у камина и закинул пару полешек, – скорее всего сегодня вечером или завтра с утра Арина снова нарисует у нас дома. Она возьмет каплю твоей крови и скажет остальным, что мы не врем.

– Но вы врете! – Оля осознала весь риск, который берет на себя эта семья: Настасья, хозяйка дома, которую она так ранила своим нежеланием стать частью этого мира. Алекс, который пытался спасти ее, а она обозвала его трусом и сбежала. Максим. Этот мужчина уже вто-

рой день возится с ней, как с маленькой девочкой, а она так бросалась в него упреками о браке. Злость сменилась раскаяньем, – Что будет с вами, когда все узнают?

– Ничего, – Максим понял, что она сдалась, – мы разберемся.

Слезы снова подступили к горлу:

– Твоя мать права. Я такая плакса!

И девушка рванулась на кухню, чтобы обнять женщину, давшую ей второй шанс. Она хотела броситься ей в ноги и просить прощения, и благодарить, и рыдать. Но вместо Настасьи она налетела на Алексея. Юноша аккуратно отстранился и через ее плечо посмотрел на брата.

– Они идут.

Ольга не видела Алекса с той самой драки на Форпосту. Она понимала, как сильно оскорбила его и сильно хотела извиниться, но он смотрел на нее так, как будто вовсе не держит на нее больше зла. Скорее, он искренне переживал за ее безопасность.

– Все в порядке, она член семьи, – с этими словами Максим появился в дверях кухни.

Тяжелая пауза повисла в воздухе. Девушка, утирая слезы, по очереди оглядела всех присутствующих: Настасья виновато смотрела на младшего сына, Алекс растеряно бегал глазами от матери к брату, а Максим, гордо подняв голову, не мигая, смотрел ему в глаза.

– Нет, – Алекс попятился к двери на улицу, – Мама, скажи, что это неправда! – Grimаса ужаса застыла на его лице, и он с таким страхом смотрел на мать, что Ольга невольно сглотнула. Настасья в этот момент опустила глаза.

Алексей даже не посмотрел на девушку и брата; не произнес и звука, он тихонько открыл двери и вышел вон.

6– Полкапли

Они сидели втроем и молчали. Настасья оперлась локтями о стол и подперла пальцами подбородок. Глаза смотрели сквозь пространство куда-то вдаль и не выдавали даже намек на то, что сейчас творится в ее голове. Максим, обогнув Ольгу, сел на свободный стул и уткнулся немигающим взглядом в свою мать. На его лице не шевелился ни один мускул, но всем нутром Ольга чувствовала его напряжение. Робким движением она коснулась его плеча, но тут же одернула руку. Таким нелепым ей показался этот жест.

Гул голосов они услышали задолго до стука в дверь.

– Я сам, – Максим встал из-за стола и направился в сени. Через пару минут он вернулся в компании старой женщины, лицо которой было испачкано чем-то, напоминающим грязь, а от накинутой на плечи старой лисьей шубы пахло гарью и алкоголем.

– Арина, – Настасья поспешила приветствовать гостью, в ее движениях и мимике читалось облегчение.

– Не суетись, Настя, – женщина, не дожидаясь приглашения, прошла в дом и направилась напрямик к Ольге. Девушка соскочила со стула и буквально впечаталась в стену за своей спиной.

– Что, что вам нужно? – голос не слушался Олю, слова давались с трудом и нелепо обрывались от дрожи во всем теле.

– Как будто ты не знаешь, милочка? – старуха ухмыльнулась, – У вас там, – она запрокинула голову, – есть пословица: с волками жить – по-волчьи выть. Слышала?

Оля кивнула.

– Ну так вой, – женщина залилась смехом и достала из-за пазухи кривой нож.

Настасья ахнула, Максим попытался подскочить, но знахарка обдала его таким взглядом, что он тут же остановился, а Ольга лишь беспомощно зажмурилась.

Она почувствовала, как грубая морщинистая рука коснулась ее запястья, но так и не смогла открыть глаза. Потом резкая боль, и огонь охватил всю ее руку. Предательские слезы прыснули из глаз, и ей пришлось увидеть происходящее. На левом запястье зияла глубокая рана, а кровь словно отказывалась показываться из-за кромки кожи. Старуха стала шептать какие-то непонятные слова и трясти ее руку. Боль усилилась и Ольга почувствовала как будто внутри нее что-то лопнуло. Кровь сначала тонкой струйкой, а потом водопадом хлынула из пореза. Запах алкоголя снова ударил в нос, а женщина продолжала трясти руку, одновременно собирая Ольгину кровь в серую тряпицу. Когда с нее уже закапало, старуха остановилась и громко рявкнула подобно собаке. Ольга увидела, что красная жижа, словно повинаясь ее приказу, резко остановилась, руку пронзила судорога, и все поплыло перед глазами.

Очнувшись она на кровати. В той самой темной комнатухе без окон, в которой валялась несколько дней без сознания. В которой эта вонючая знахарка вернула ей способность двигаться. В которой она почувствовала теплоту и заботу рук Настасьи. В которой так легко дышалось, когда рядом был Алекс. В которой она впервые увидела огромные голубые глаза Макса, и в которой сердце ее так непривычно сжималось от нахлынувших эмоций.

«Мне все приснилось: и лес, и волки, и знахарка. Это дурной сон. А эти славные люди спасли мне жизнь и помогут добраться домой». Дом. Сердце снова больно сжалось и забилося так громко, что на улице ее должно быть кто-то услышал.

Деревянный сруб, жилище приютившей ее семьи, окружали люди. Она слышала громкие крики. Не разбирая слов, Оля понимала, что это угрозы. Не видя сквозь стены, она, тем не менее, представляла их горящие злобой глаза. Или это огонь? Факелы! Они хотят спалить дом!

Ольга соскочила с кровати и побежала на кухню. В левой руке пульсировала боль, но она старалась не обращать на это внимания. Девушка уже хваталась за дверную ручку, когда яркий свет ослепил ее и она, отпрянув, повалилась на пол. Свет погас, и она разглядела Алекса.

– Что происходит? Что с Максом? Где твоя мать? – она попыталась быстро вскочить на ноги, но лишь неуклюже приземлилась на попу и чертыхнулась.

Алексей смотрел на нее каким-то отсутствующим взглядом, и ей показалось, что он сейчас пройдет мимо, а она так и останется сидеть на полу. Но он подал ей руку, помог подняться и глазами указал на дверь ее маленькой комнатухи.

– Я не хочу сидеть там и ждать, пока вы без толку защищаете меня от этих варваров! – Ольга попыталась оттолкнуть парня, но это было равносильно попытке муравья сбить с ног слона, – Пусти меня! Они хотят сжечь дом!

Глубоко вздохнув, Алексей попытался выдавить улыбку.

– Распознать каплю волчьей крови в тебе очень сложно, они совершают ритуал. И тебе там не место. Иди к себе.

– Но там темно, и я слышу их за стеной.

– Зажги свечу и закрой уши, – Алекс выдавил еще одну натянутую улыбку и повернулся к дверям на кухню.

– Не уходи! – Ольга мертвой хваткой вцепилась в его руку, и он обернулся, – Пожалуйста. Мне страшно.

Пару мгновений он лишь недоверчиво смотрел на нее, и она совсем не узнавала в нем того человека, который буквально вернул ее к жизни и даже заставил смеяться.

– Ладно, – его лицо смягчилось, – пойдем.

Она послушно вернулась в комнату без окон и уселась по-турецки на кровать. Он последовал ее примеру. Правда, все движения его были такими скованными, а лицо так напряжено, что Ольге казалось, будто она виновата в этом. Но почему? Почему он так зол?

– Алекс, – она попыталась разрядить обстановку, – что за ритуал они там делают?

– Они помогают Арине учуять волчий дух внутри тебя, – он остановился, – Это правда?

– Что, правда?

– Ты выбрала Макса? Ты пила его кровь? – глаза Алекса стали еще темнее, и Оля вздрогнула.

– Нет. Я ничего не знала...

Удивление, облегчение и еще куча эмоций мгновенно отобразились на лице Алексея, и уже настоящая, добрая и знакомая Ольге улыбка, появилась на его лице. И снова ей стало легко, и орущая толпа за стеной вдруг перестала существовать, только полумрак этой комнаты и ласковый взгляд ее визави.

– Твоя мама добавила каплю крови мне в чашку, когда отпаивала после...

Она запнулась на полуслове. Когда что? Когда она сломя голову бежала по деревне, думая, что Алекс бросил ее на съедение волкам? Или когда она была уверена, что он лично не против ее слопать?

– Послушай, – и она коснулась его коленки, – Я очень испугалась. Они только потом рассказали мне все. И про кровь, и про обращение, и про всю вашу... стаю. Прости, что так... Что испугалась тебя...

Она опустила глаза и не сразу поняла, как оказалась в теплых объятиях человека-волка. Он зарылся лицом в ее волосы и что-то прошептал, только вот слов она не смогла разобрать. Зато весь страх ушел.

– Все в порядке, – он немного высвободил ее из объятий, но все еще держал за плечи, – Мы что-нибудь придумаем.

– Расскажи мне про ритуал.

– Я же сказал...

– Нет, – Оля немного отпрянула, но лишь, чтобы удобнее сесть, и его руки от плеч спустились к ее ладоням, – про ритуал обращения.

Алекс откинулся на стену и отпустил ее руки.

– Про первую полную луну?

Оля кивнула.

– Чтобы стать обращенным волколаком нужно всего две вещи: капля и полкапли, – и он замер, ожидая дальнейших расспросов.

Ольга улыбнулась:

– Не тани.

– Хорошо, – он ехидно прищурился, и эта мимика безумно напомнила ей Настасью, – капля крови волколака и полкапли крови человека.

– Ты издеваешься, – Ольга хлопнула его по коленке.

– Сначала ты пьешь кровь волка, а потом в первую полную луну всего полкапли человеческой крови сделают тебя одной из нас.

– Всего полкапли?

– Так говорится в придании, ну а если честно, – он придвинулся к девушке и шепнул на ухо, – человека придется убить.

– Убить? – Ольга отпрянула, – И ты? И Макс? И Настасья? Вы убивали людей?

– Мы – нет, – Алекс снова стал серьезным, – Мы – врожденные, а ты будешь обращенной. У нас не было выбора, мы такие с самого первого своего вздоха. А ты, – он помедлил, – у тебя есть выбор.

Ольга поняла, к чему он клонит. Он думает, что она может выбирать, остаться с волками или вернуться в семью. Но все обстояло совсем не так. У нее и мысли не было остаться. И, кажется, сейчас, по ее глазам, Алекс это понял.

– Ты уйдешь, – он произнес это как проклятье.

– Уйду, – она встала с кровати, – Уйду, потому что там мой дом и моя семья. А здесь – твой.

– Через луну, – Алекс тоже встал и взял ее за руки, – Через луну ты можешь сделать все сама, по своей воле. Ты сможешь выбрать и мужа, и свою судьбу.

Он осекся, уйдя в свои мысли. Они так и стояли, взявшись за руки. На сердце у Ольги повис тяжеленный камень: она совсем запуталась. Конечно, ей хотелось отблагодарить все семейство и заставить Алекса улыбаться. В глубине души она понимала, чего он хочет, и о каком выборе идет речь. Не волчья судьба интересовала его больше всего, а их будущее. Будущее, в котором он видел ее рядом. Он сжимал ее руки, и с каждым его вдохом, сжималось ее сердце. У нее никогда не было брата, но вот сейчас она бы отдала все на свете, чтобы им был именно Алекс. Он ее защитит и насмешит, он будет рядом. И она прижалась к нему всем телом. Он откликнулся и обхватил ее плечи руками.

Дверь скрипнула и зашла Настасья. На секунду она замерла, но улыбнулась и сказала:

– Все хорошо.

Ольга бросилась к ней в объятия.

– Вы спасли меня, спасли, – повторяла она снова и снова.

– Это не все, – Настасья сделала шаг в сторону и за ее плечом Оля увидела Максима.

– На перевале появились спасатели...

Ольга почувствовала, как что-то внутри нее оборвалось. Весь день ее тело словно жило своей жизнью, а она только покорно внимала его капризам. Ей должно было стать легче, она должна прыгать от счастья. Она понимала это разумом, но сердце отказывалось ликовать. Вопреки ему, она улыбнулась.

– Когда?

Максим обменялся взглядом с матерью, потом снова посмотрел на нее:

– Завтра утром. Выпись хорошенько.

7– Свобода выбора

Настасья разбудила Ольгу задолго до рассвета. На мгновение девушке показалось, что она дома, в своей мягкой постели, и это ее собственная мама не дает ей насладиться сном.

– У меня каникулы, – протянула Ольга и перевернулась на другой бок.

Настасья усмехнулась:

– У тебя долгое и опасное путешествие. Вставай, соня, – и она скинула одеяло.

– Почему так рано? – девушка все еще сопротивлялась.

– Чтобы не красоваться по деревне с рюкзаком на спине. Вставай, кому говорю.

Ольга открыла глаза и, наконец-то, сообразила, где находится, и зачем ее так рано разбудили. «Надо собираться, и никаких левых мыслей!» Еще с вечера она почувствовала сильнейшую тоску. В груди буквально ныло, и Оля пыталась убедить себя, что это волнение. Ее родители наверняка сходят с ума: папа хватается за сердце, а мама, как обычно это бывает, если она жутко нервничает, за сигарету. И отец опять ворчит на нее. А сам сидит у телефона и вздрагивает при каждом шорохе. Ольга так ясно видела эту картину, но еще четче она ощущала, как побежит им навстречу, как окажется в крепких отеческих объятиях, и как zalьет слезами все пространство вокруг себя. И как поздно вечером, излив родителям душу, и соврав на счет волчьей деревни, будет сочинять грустную историю своего волшебного спасения. И сердце ее будет рваться из груди, а в мыслях так и будут витать голубые глаза, ласковые руки и этот запах смолы и сдобы. Когда-нибудь она обязательно вернется сюда. Или это невозможно?

Горькая правда резанула, как нож. Кривой нож знахарки, проверяющий ее принадлежность к волчьей стае. Она теперь на самом краю пропасти, в которую так и хочется упасть. И чтобы братья снова нашли ее и спасли. И чтобы Максим прижал к себе ее маленькое замерзшее тельце, а Алекс не давал ей сдаваться и постоянно смеялся. И Настасья...

– Спасибо вам за все, – она обняла немного смутившуюся женщину, – я никогда вас не забуду. Честное слово.

– Ой, милая, лучше забудь, – Настасья отстранилась и подошла к двери, – У тебя пять минут на сборы. Твои вещи у камина. Я собрала вам в дорогу рюкзак. Макс уже ждет. Поторопись.

И она вышла. А Ольга осталась наедине со свечой и мрачными стенами своей комнатки. Своей? Смешно. Как быстро она привыкла ко всему, что ее здесь окружает, и даже не чувствует себя здесь чужой. Наверное, это волчья кровь в голову ударила!

Теплые носки, колготы, свитер – все аккуратно лежало на краю кровати. «Настасья, должно быть, вообще не ложилась. Господи, какая же она чудесная! Как же я буду скучать!» Ольга не переставала удивляться собственным мыслям. «Я никогда не встречу таких людей там, в моем мире. Никогда и никто не будет так рисковать ради меня. И никто не будет так смотреть на меня, держать за руку... Надо быть сильной. Это всего лишь история. Моя маленькая история. Может, и правда, написать книгу? – она улыбнулась своим мыслям, – Макс меня убьет».

На кухне уже все были в сборе. Когда она вошла, замурованная в свой лыжный костюм, в воздухе повисла тишина. Настасья, верная себе, оправила серое шерстяное платье и сложила руки на кромке выдавшего вида фартука. Алексей стоял у подоконника с чашкой в руках. На нем были только спортивные штаны, и его голый торс сильно резонировал с Ольгиным теплым обмундированием. Максим сидел рядом с матерью. Он был одет, не так тепло. Но куртка и штаны имелись.

– Я готова, – Оля попыталась улыбнуться, но рот лишь нелепо растянулся в жалком подобии улыбки.

– Съешь бутерброд, а то уже через час вам придется делать привал, – Настасья протянула хлеб с кусочком копченого мяса.

– Спасибо.

– Ну что, по коням? – Макс накинул на спину рюкзак. Ольга кивнула, дожевывая бутерброд. Она не сразу поняла, как оказалась в сильных руках. Алекс сжал ее так сильно, что она поперхнулась.

– Я буду скучать, – прошептал он ей на ухо и сжал еще сильнее.

– Не задави девчонку, перед самым ее спасением, – Настасья потянула Алекса к себе, – Ну, долгие проводы – лишние слезы. Скоро рассвет. Топайте, мои хорошие. Бог вам в помощь.

– Спасибо, – Оля хотела броситься к ней в объятия, но сдержалась. Хватит прощаться, пора.

Когда они вышли из дома, на улице уже светало, и Макс сразу же прибавил шаг. Ольга хотела обернуться, но испугалась увидеть Алекса. «Я запомню, не забуду ничего».

Минут через двадцать они уже преодолели лесной массив, где Оля, так испугавшись волков, на четвереньках ползла на свет, цепляясь за колючие ветки. Они забрали немного вправо, и на краю обрыва Ольга разглядела тропинку. Пока она жила в деревне, снега ни разу не было, и поэтому на тропе хорошо виднелись следы, как человеческие, так и звериные. «Наверное, этой дорогой меня сюда и приволокли», – но она не стала спрашивать. Хоть снег и был хорошо притоптан, сильный склон и ветер делали свое дело – идти было сложно, и Ольга то и дело цеплялась за рукав Макса, чтобы не упасть. На разговоры сил не было вообще.

Оказавшись в самом низу, Ольга посмотрела вверх и почувствовала легкую тошноту. Но Макс не дал ей потерять равновесие:

– Не время, Оль. Нам нужно уйти за гору до того, как кто-то из местных отправится на охоту и разглядит две подозрительные фигуры за Форпостом. Так что вперед.

Несколько часов они шли молча, уходя все правее и правее, пока, наконец, одна из вершин не скрыла из глаз границу волчих земель. За это время Ольга несколько раз оступалась и проваливалась в сугробы. Снег забился в валенки и уже начал там таять. Девушка мужественно терпела, пока, наконец, не поняла, что ноги ее практически не слушаются. Она попыталась пошевелить пальцами, но не смогла.

– Макс, – парень обернулся, и она позволила себе остановиться, – я устала. И ноги... Я не чувствую пальцев.

– Идти можешь? – Максим даже глазом не моргнул. Казалось, что как только они вышли из дома, он превратился в сурового проводника. Никаких эмоций. Только вперед, к перевалу.

– Вряд ли.

Он вздохнул, молча подошел и взвалил девушку на плечо. Она только ойкнула.

– Рядом есть гнездо, там безопасно.

– Какое еще гнездо? – слова получались обрывистыми. Говорить было сложно, свесившись вниз головой, но молчание за целый день ей порядком надоело.

– Увидишь.

– Очень подробно, – девушка надула губы. – Что с тобой сегодня?

– Все в порядке.

– Ну-ну...

Совсем скоро они уперлись в подножие горы, и Максим по какой-то видимой только ему тропинке, стал подниматься. Слегка покачиваясь, Оля поймала себя на том, что видит сон, и резко открыла глаза. В следующий миг мир ее перевернулся, и она почувствовала почву под ногами. Перед глазами оказалась каменная стена. Пещера? Она оглянулась. Всего в паре метров от стены углубление заканчивалось. Места здесь было с гулькин нос, зато ветер больше не беспокоил. Максим уже копошился где-то в углу расщелины. Спустя пару минут на свет появились сухие ветки и целые поленья.

– Это что? Тайник? – Ольга подошла ближе, пытаясь разглядеть, что еще есть в маленьком углублении в скале. Ноги отозвались гулкой болью.

– Угу, – Максим усмехнулся. Наконец-то хоть какие-то эмоции! – Секретное волчье логово.

Девушка тоже улыбнулась:

– И давно это волки научились разводить огонь?

– Как только стали ходить на двух лапах, – он поднялся, и Ольга в очередной раз удивилась, какой он высокий. Или это стены пещеры так сдавили пространство, что Макс превратился в великана?

– Это и есть гнездо?

– Да.

– Почему гнездо? Почему не пещера?

– До пещеры эта дыра не доросла. У нас такие расщелины называют ласточкиными гнездами. Не спрашивай, почему, – он увидел удивление у нее в глазах, – Я не знаю.

– На волчье логово это место похоже больше.

Макс уже выложил сухостой домиком и поднес спичку. Огонь очень быстро разгорелся и потребовал новой пищи. В ход пошли полешки. И Ольга, почувствовав тепло, немного размякла. Однако пол представлял собой такую же горную породу, и садиться на него как-то не хотелось.

– В рюкзаке плед, – Максим разгадал ее растерянные взгляды, скользящие от одной стены гнезда к другой.

Оля достала плед, аккуратно постелила на пол, свернув в несколько раз, и буквально упала на него, улыбаясь во весь рот. Она сразу же стянула с ног валенки. Как и предполагалось, носки промокли и ноги заledenели. Она попыталась пододвинуть их ближе к огню, но чувствительность пальцев резко вернулась, и каждый ноготок отозвался жгучей болью. Максим увидел, как она корчится, и поспешил на помощь.

– Что ж ты сразу-то не сказала, как начерпала снега? – он сел напротив и взял ее ноги в свои руки.

– Ты сказал, что нужно торопиться, – она виновато опустила глаза.

– Дурочка, – он снял носки, положил их около костра, – с отмороженными ногами ты далеко уйти собиралась?

– Не знаю, – Ольга откинулась на стену. Через куртку она чувствовала холод, идущий от камня, но поясница безумно устала. И чем теплее становилось в их убежище, тем сильнее ей хотелось спать.

Максим, сидя по-турецки, стал растирать Ольгины босые ноги ладошками. И тепло потихоньку стало возвращаться, а пальцы начали шевелиться.

– Достань термос и бутерброды, – Максим показал глазами на рюкзак, все еще находившийся у Ольги под руками. И она послушно полезла внутрь. Горячий чай и еда – то, что нужно.

Пока они ели, стало смеркаться.

– Ну вот, придется остаться на ночлег, – Максим вздохнул, – Я планировал уложиться в один день.

– Прости, – Оля привсталала, поняв, что совсем развалилась.

– Ничего, – он снял валенки. В его обувке никакого снега не было. Стянул с себя носки и протянул их девушке. – Одевай. Твои когда теперь высохнут.

Оля хотела поспорить, ведь тогда Макс сам замерзнет, но потом вспомнила, что он ощущает холод совсем по-другому, и послушно напялила носки. Разноцветные вязаные гольфы. В таких ходит все семейство: и Настасья, и мальчишки. И она ходила. Но благоразумно оставила все подарки доброй хозяйки в своей бывшей комнатке. Нечего портить легенду. Откуда

у девочки, заплутавшей в горах, обновки? Вот и пришлось надеть свои старые однотонные носки.

Максим тем временем обулся, поднялся с пледа и стал аккуратно обкладывать костер небольшими камушками, валявшимися здесь же.

– Знаешь, – Ольга не стала смотреть на Макса и уставилась на огоньки пламени, – я никогда не забуду вашу семью.

– Зря, – Максим закончил с костром и вернулся к пледу, – лучше бы тебе все забыть.

– Вот и твоя мать так сказала, – она вздохнула. – Почему вы не можете жить среди людей?

– Почему не можем? – Он взял рюкзак, прислонил его к стене и облокотился. – Просто мы не хотим.

– Совсем-совсем?

Он улыбнулся:

– Совсем-совсем.

– Настасья начала рассказывать историю, но так и не рассказала. Про вас. Как вы появились.

На долю секунды Оле показалось, что голубые глаза Максима потемнели, но она списала это на пляску огня. Он молчал. Сумерки уже проникли в их убежище, и весь свет, что у них был – это свет от пламени. Теплый, переливающийся. В его игре теней она снова поразилась красоте человека, сидящего напротив. Его скулы, подбородок, глаза. Ей даже захотелось немного пофлиртовать.

– Расскажи, – Ольга попыталась налечь на кокетство.

Максим протянул ей руку, и она смело подала ему ладонь. Он слегка потянул ее к себе, Оля подалась вперед и оказалась в его объятиях.

– Я не люблю эту историю, – он посмотрел ей прямо в глаза, от чего у девушки в горле комок застрял, – Да и тебе она ни к чему. Макс фыркнул и повернул лицо к девушке.

Не зная, как так получилось, Ольга вдруг почувствовала его губы. Это не он. Она сама повернулась, закрыла глаза и прикоснулась к его губам, прижалась к нему грудью. Потом легкое движение его рук и на ее губах расцвел их первый поцелуй. Робкий, горячий, влажный. Неловко сглотив, она еще сильнее прильнула к нему, почувствовала его язык у себя во рту, его руки, шарившие у нее по спине. Даже через толстый синтепон его прикосновения обжигали кожу. В животе бурлило, по всему телу побежали мурашки, она ахнула и почувствовала, как по щеке побежала слеза. И тут же его губы прикоснулись к месту, где только что так сильно обожгла ее соленая вода. Один поцелуй, другой... Максим целовал ее щеки, губы, глаза, а она продолжала ронять непослушные слезы. Он взял ее лицо руками и осторожно отвел назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.